

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА
ЭКОНОМИКИ

СОВРЕМЕННОСТЬ/ POST

Альманах социокультурных
исследований

2

Издательский дом ГУ ВШЭ

Москва 2009

УДК 316.7
ББК 60.5
С56

10-летию социологического факультета ГУ ВШЭ посвящается

**Редакционная коллегия
альманаха «СОВРЕМЕННОСТЬ/POST»**

Карцев Е.А. (ГУ ВШЭ, ответственный редактор)

Болотова А.К. (ГУ ВШЭ)

Гофман А.Б. (ГУ ВШЭ)

Дианова В.М. (СПбГУ)

Зверева Г.И. (РГГУ)

Каравашкин А.В. (РГГУ)

Кирнарская Д.К. (Академия музыки им. Гнесиных)

Кондаков И.В. (РГГУ)

Покровский Н.Е. (ГУ ВШЭ)

Сиземская И.Н. (ИФ РАН)

Эфендиев А.Г. (ГУ ВШЭ)

Харламов Н.А. (ГУ ВШЭ, ученый секретарь альманаха)

СОДЕРЖАНИЕ

E.A. Карцев

Предисловие 5

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

A.K. Болотова

Пространственно-временные особенности социальных
коммуникаций 11

M.A. Козлова

Личность и культура — личность в культуре 32

E.P. Белинская

Конструкционистская парадигма и проблема «Я»
в социальной психологии 48

T.A. Вайзер

Опыт иного и принципы переопределения нормативности
культурологического знания: культура как вызов 62

E.A. Карцев

Отказ от исключения: новое выражение утопии эгалитаризма 69

B.M. Дианова

Ландшафтные миры искусства в этическом измерении 91

ЭТИКА В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ОБЩЕСТВА

P.A. Серкова

«Упование на лучшие времена»: антропология и этика пietизма
на пороге Нового времени 107

ЭТИКА И ЭКОНОМИКА

I.H. Сиземская

Экономика и мораль 119

I.B. Волкова, Г.М. Мумрикова

Этическое измерение современного бизнеса
(на примере рынка ресторанных услуг) 128

ISBN 978-5-7598-0615-8

© Оформление. Издательский дом
ГУ ВШЭ, 2008

ЭТИКА И СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

Н.А. Харламов

«Заброшенное»: культурное значение «заброшенного»
в современном городском ландшафте 139

Р.Н. Абрамов

Социокультурные аспекты воздействия мобильной телефонии
на повседневность: теоретические перспективы
и практические результаты 152

Е.Ю. Васильева

Техника в кино и техника кино: новые смыслы и новый
статус современного зрелища 167

Н.Г. Фархатдинов

«Первые на Луне»: взгляд в прошлое, обращенный в будущее.
К проблеме прошлого в современном российском кино 180

Н.А. Григорьева, М.А. Григорьев

От истоков к перспективам развития степа
как танцевального жанра 201

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

А.Г. Эфендиев, К.В. Решетникова

Преподаватель российского вуза:
проблемы профессиональной деятельности 213

О.В. Новиков

Этика трансляции нормативной культуры в системе
российского университетского культурного сообщества 254

ДИСКУССИЯ

А.Б. Долгин

Перерождение авторов 271

Д.К. Кирнарская

Рынок vs. культура: война или мир?
Ответ Александру Долгину 282

Г.К. Овчинников

От раскола к единству, от империи
к союзу равных и свободных 289

Предисловие

Е.А. Карцев

Дорогие друзья!

Второй выпуск альманаха социокультурных исследований «Современность/Post» продолжает исследование феномена постиндустриального, информационного и постмодернистского общества сегодня. Первый выпуск альманаха был посвящен проблематике *новой эстетической парадигмы в постсовременном обществе*, настоящеэ издание развивает начатую тему обращением к проблеме *этического измерения техногенной цивилизации*. «Возвращение к культуре»: этическое измерение техногенной цивилизации — так называлась вторая двухдневная межвузовская научно-практическая конференция, совместно организованная и проведенная ГУ ВШЭ и РГГУ в феврале 2007 г. с участием исследователей из МГУ, ИФ РАН, СПбГУ, Чувашского ГУ, Академии музыки им. Гнесиных, Московского государственного университета культуры, МГИУ и других учебных заведений и исследовательских центров страны.

Предметом научного дискурса стало «возвращение к культуре», которая выступает в качестве организованных форм среды, и междисциплинарное обсуждение следующих проблем: роль социокультурных институтов в постсовременном мире; обращаясь к себе: корпоративная этика сегодня; социальный дискурс «включения/исключения»; ландшафт как этическая проблема.

Рефреном на конференции прозвучало: для современного человека «правила цивилизации» столь же необходимые органы, как зрение и слух; цивилизация является «органом человека». Человек, лишенный социальных ориентиров, не может обрести «доброчастенную оригинальность», но способен впасть в «первозданный хаос», открытый ему с рождения. Вот почему сегодня так важно возвращение к культуре...

Основные направления дискуссии следующие:

- Человек — «бытие, открытое миру», его перспективы в контексте техногенной цивилизации.
- Мораль как совокупность институтов, создающих неизменное поведение в обществе.
- Хрупкость социокультурных институтов сегодня: собственность, право, моногамная семья.

Заброшенное»: культурное значение заброшенного» в современном городском ландшафте

Н.А. Харламов

Введение

Пройдемся по главной улице большого современного метрополиса. Поглядимся и увидим много новых зданий. Красивые витрины магазинов. Хорошо одетых людей, идущих по улице или сидящих в ресторанах. Дорогие машины на улице. Образы, подобные этим, воплощают в себе самую суть идеи цивилизации потребления, в которую, как мечтали многие известные футурологи, наконец-то стало входить человечество во второй половине XX в. Социальные мыслители нарисовали немало утопических картин ближайшего будущего, уверяя, что это будущее уже на пороге. Радикальный критик цивилизации потребления Жан Бодрийяр называл ее центр — Америку — «воплощенной опией» [Бодрийяр, 2000 [1986]]. Даже антиутопии часто рисовали как стерильные машины, не допускающие малейших отклонений от идеала чистоты, контроля и стерильности. Немало образов будущего — образы будущего, в которых существует только цивилизация без больших городов. Грязные метрополисы эпохи модерна намечались к ближайшему опустошению и уничтожению в результате всеобщего распространения автоматизации и телеработы.

Большие города никуда не исчезли. Их значение в мировой хозяйственной системе, вступившей, как это стали называть в 1990-х гг., в эпоху глобализации, изменилось: теперь это центры не материального производства, а контроля, координации и переработки информации, узлы в мировой сети потоков людей, товаров, капитала и информации. Подвергнутая былоомнению после потрясших весь мир событий 11 сентября 2001 г. идея глобализации снова в ходу.

Но вернемся на нашу улицу. Пройдем дальше и свернем в переулки. Поглядим немного от освещенных витрин и прогуляемся по дворам. Мы уви-

дим, что кое-где на зданиях обвалилась штукатурка, а на краске выступила ржавчина. Пройдем еще немного, и мы найдем старые здания и растрескавшийся асфальт. А если нам повезет, мы найдем забытые досками окна и пропадающие крыши... Иногда в таком разваливающемся доме продолжают жить люди. Подобные картины можно найти, вероятно, в любом городе. Достаточно внимательно поискать в сети Интернет фотографии — число которых с распространением недорогих цифровых фотоаппаратов превышает все пределы разума — и мы увидим, что во всех мировых центрах — Париже, Лондоне, Токио, Нью-Йорке, Лос-Анжелесе, не говоря уже о мелких поселениях, — есть свои заброшенные дома и осыпающаяся краска на стенах домов, чей фасад красиво отделан и выходит на большие туристические улицы.

Социальные и гуманитарные науки с трудом видят эти проявления сил природы. Рожденные в Европе эпохи Просвещения, поднявшиеся вместе с идеей прогресса, только сегодня они начинают замечать вещи, которые выходят за пределы этой идеи. Этот текст — всего лишь попытка *посмотреть* в одном из возможных направлений и увидеть что-то, что не встраивается в устоявшиеся понятийные конструкции. Поэтому сразу стоит оговориться: вынесенное в заголовок статьи слово «заброшенное» — это всего лишь метка, которой я пытаюсь обозначить нечто увиденное — в разных смыслах слова «увиденное», и как увиденное мысленно, и как то, что я пытаюсь ввести в строй научных рассуждений и открыть для последних в некоторой перспективе, и как увиденное буквально — зрением, и зафиксированное на фотографии. Конечно, это не научное *понятие*. Если метка «заброшенное» и может им стать, то только после длительной работы — работы, которая еще впереди. Все, что здесь написано, это просто попытка нащупать направление такой работы и сделать первые шаги. Этим обусловлен эссеистический характер текста.

Построение текста следующее. В начале следует сказать несколько слов о том, каковы конструкции, существующие в социологии города, и как они обращаются с тем, что помечено здесь как «заброшенное». Далее вводится собственно сама метка. Она сравнивается с близкими, но не тождественными ей понятиями «руины» и «памятник». Затем намечаются многочисленные социокультурные смыслы и отношения, которые окружают «заброшенное». Наконец, «заброшенное» рассматривается как неотъемлемая часть повседневной жизни, требующая определенного этического рассмотрения. В заключение эссе ставится вопрос о том, как «заброшенное» соотносится с цивилизационным опытом российского ландшафта. Следует, прежде чем перейти к обсуждению, сделать важную оговорку. Автор данного эссе — москвич. Поэтому именно Москва задает основной опыт и ресурс для данного текста и приводимых примеров.

Ландшафт большого города: идеальное, идеологическое, материальное

Городской образ жизни считается одним из основных критериев «современного» (т.е. модернового) общества. Если понимать урбанизм достаточно широко, то можно сказать, что современная глобализованная цивилизация — это преимущественно в той или иной форме *городская цивилизация*. Урбанизм как способ человеческого существования и урбанизм как способ формирования антропогенного культурного *ландшафта* расположены в ядре современной цивилизации. Разумеется, существуют многочисленные негородские регионы, однако эти регионы связаны с большими городами инсторными связями, хозяйственными зависимостями, властными отношениями, разделяемыми культурными значениями и содержаниями.

Ключевыми признаками городской среды являются *специфическое пространство и специфический ландшафт*. Пространственная специфичность урбанизма, как называл это известный лос-анджелесский социальный географ Соха [Soja, 2000], выражается в специфической отстроенной окружающей среде (*built environment*). Эта среда обладает своей геисторией (*geohistory*), определяется предшествующей историей места и региона, в котором расположено городское поселение, и зависит от этой истории. Соха говорит о *инекизме* — стимуле к городской агломерации, синтетическом действии потребности к тесному сожительству и хозяйственному и культурному преобразованию среды. Итак, *городской ландшафт* — это результат совместного проживания людей в определенном месте и соответствующего производства пространства, своеобразная форма антропогенного ландшафта. Здесь важно очертить: городской ландшафт существует как в вещественном и материальном измерении (отстроенной окружающей среде), так и в измерении культурных явлений, образов, символов, презентаций. Он не только существует, но и выражается и одновременно проживается как в материальном, или реальном, так и в воображаемом смысле.

Обратимся к еще одной идее Э. Сохи: идеи триалектики¹. Триалектика городского пространства (*trialectics of cityspace*) восходит к работам А. Лефевра о производстве социального пространства. Суть ее заключается в триалектической взаимосвязи и взаимопрессеченности трех пространственных перспектив [Soja, 2000, p. 10–12]. Перспектива первого пространства (*Firstspace*) —

¹ Триалектика — аналитический инструмент. Это, в первую очередь, способ обсуждать о городском пространстве, поэтому как таковой он является в каком-то смысле привносимым исследователем в социальную реальность. Обсуждение системологических проблем выходит за рамки настоящей работы, однако о них следует помнить.

это материалистическая ориентация, сопоставимая с географическим картированием пространства и исследованиями архитектуры. В ней содержатся «материализованные социальные практики», паттерны городской жизни, поддающиеся измерению и картированию. Это воспринимаемое пространство: то, как оно доступно ощущениям, восприятиям, созерцаниям, разного рода фиксациям. Второе пространство (*Secondspace*) — это субъективная перспектива, содержащая мысли о пространстве: образы, рефлексивное мышление, символические презентации. Это пространство, как его видят люди в своем сознании и что о нем думают социальные ученые. «Мир вещей» и «мир идей» — это разные понимания и эпистемологии, однако они, как пишет Соха, представляют городское пространство как *продукт непространственных процессов* (социальных и т.п.), но не как самостоятельный *источник объяснений*. Перспектива третьего пространства (*Thirdspace*) — это объединение перспектив, происходящее на уровне проживаемого (*lived*) пространства, пространства в действительном течении времени и жизни, одновременно реального и воображаемого, действительного и виртуального. Проживаемое пространство — это «локус структурированного индивидуального и коллективного опыта и действия» [Soja, 2000, р. 11]. Можно сказать, что человек живет именно в третьем пространстве¹.

Теперь можно перейти к собственно проблеме *ландшафта большого города*. Большой город существует как минимум в трех измерениях, для рассмотрения которых и пригодится предложенная Сохой схема триалектики. Три измерения — это города идеальные, идеологические и материальные.

Идеальный город — это образ, который сопровождает европейскую цивилизацию с древнейших времен. От классических платоновских образов Атлантиды через европейские эксперименты раннего Ренессанса, воплощенные в изображении идеального города Пьера делла Франческа (ок. 1470) и вплоть до современных модернистских и постмодернистских архитектурно-художественных проектов. Идеальный город — это утопический образ *желаемого, правильного, детально спланированного городского пространства*. Это пространство подчинено высшим эстетическим и этическим принципам и чаще всего в той или иной форме отражает идею райского существования на земле: такого преобразования ландшафта, которое бы сделало жизнь

¹ Третье пространство — это эпистемологическая проблема для социальной науки. Э. Соха, например, пытается «ухватить» третье пространство в третьей части своей книги «Постметрополис». Он представляет коллаж из фрагментов речей, статей, литературных произведений, стихов, которые посвящены одному из эпизодов лос-анджелесской истории — «Волнениям справедливости» (*Justice Riots*) в 1992 г., вызванным жестоким избиением полицейскими чернокожего водителя Родни Кинга, записанным на видеокамеру и показанным по телевидению.

обитателей такого пространства прекрасной. Одной из современных форм идеального города можно назвать *метрополисный миф*¹: это образ сверхсовременного метрополиса, который застроен блестящими устремленными в небоскребами, символизирующими процветание и прогресс. События сентября 2001 г. нанесли тяжелейший удар в том числе и по этому образу Америки Манхэттена, образу нервного центра глобальной цивилизации. Но этот образ продолжает существовать, достаточно посмотреть открытки или рекламы туров, где большие американские или восточно-азиатские города чаще всего изображаются новейшими небоскребами².

Идеальный город тесно смыкается с идеологическим городом. *Идеологический город* здесь понимается как идеальный образ города, который не просто создается и репрезентируется, например, в художественных произведениях, а целенаправленно *реализуется, проводится в жизнь*. Речь идет в первую очередь о планах городской застройки и переустройства, проектах реконструкции и реставрации старых городских районов. Эти проекты находят свое выражение в действительном строительстве.

Разговоры о городском ландшафте и отображения городского можно назвать *дискурсом о городском ландшафте*. Если рассмотреть этот дискурс, можно заключить, что преимущество с точки зрения властных позиций, способности проводить решения и образы в жизнь и с точки зрения эпистемических притязаний, т.е. притязаний на истинное отображение существующего, то есть и что будет в городе, — имеют в первую очередь городские планировщики в самом широком смысле слова: от архитекторов и застройщиков до городских властей. Дискурс, который ведут эти группы — в первую очередь *дискурс построения, обновления, модернизации, улучшения*. Центральной темой его является идеальный образ города. Все, что от такого идеального города отличается, рассматривается как отклонение, нуждающееся в «лечении». В качестве примера того, как планы застройки сливаются с действительным городом, можно привести анализ «тропа органического города», проведенный Т. Гибсоном на материале Сиэтла [Gibson, 2003]: город представлялся в СМИ как большой живой организм, который должна «вы-

¹ «Миф» в смысле некоего нарратива, повествования о символическом спуске образов, как текстовых, так и визуальных и ментальных. Это своего рода понимание того, как должен выглядеть настоящий большой город.

² Метрополисный «миф», не будет рассматриваться здесь подробно, но стоит упомянуть один интересный факт: в вышедшем в 2004 г. альбоме собранных Джимом Уорком фотографий Америки с высоты птичьего полета [Wark, 2004] первый же раздел — и самый большой по объему — представляет фотографии городов и метрополисов. Эти фотографии запечатлели именно рвущиеся ввысь пластеры небоскребов. Число фотографий пригородов и низкоэтажной застройки сравнительно невелико, а фотографий трубчатых как таковых вообще нет.

лечить» перепланировка. Провести параллели с российским опытом легко, если, например, вспомнить публичные обсуждения сноса хрущевских пятиэтажек в Москве или запуска проекта Москва-Сити. Можно сказать, что такой привилегированный дискурс о городском ландшафте тесно связан с отношениями пространственного господства и угнетения, так как по сути он содержит проекты и концепции власти над пространством со стороны господствующих классов¹. Подобный характер взгляда на городской ландшафт характерен для социологии города, к чему вернемся чуть ниже.

Идеальный и идеологический города принадлежат, если вернуться к идее триалектики, ко второму пространству. Однако, во-первых, второе пространство не исчерпывается этими дискурсами, и во-вторых, оно не обязательно точно и достоверно отражает материальную городскую реальность. Материальная реальность большого города — улицы, дома, стены, парки и деревья; все это принадлежит к первому пространству и часто не совпадает с идеями и воображением человека и препятствует его действиям. Кроме того, могут существовать и альтернативные видения города, противостоящие подобным идеальным образам. Они могут исходить, например, от проживающих на некоторой территории жителей, которые не хотели бы какой-либо перестройки своего обустроенного пространства².

Первое пространство, таким образом, может не соответствовать образу, который привносится в него из второго пространства. Все же вместе — первое пространство в своей действительности и второе пространство в образах, представлениях, мыслях о городе — соединяется в третьем пространстве, где и живут обычные люди в ритме городской повседневности. И здесь можно перейти к одной из тех точек напряжения, несоответствия идеального образа города, который складывается в социальной науке, и того действительного города, который существует, мыслится людьми и проживается ими.

«Заброшенное»: что нас окружает

Вспомним образ, который приводился в начале статьи. Разрушающаяся стена здания, оставленный корпус жилого дома, недостроенная высотка, текущие трубы, растресковшийся асфальт — все это не укладывается в идеальные конструкции города. И в то же время именно это оказывается по со-

¹ Такое понимание Елизко А. Лефевру, чья концепция производства пространства прямо работает с понятиями господства и угнетения в марксистской классовой перспективе. Стоит отметить, что в триалектике Э. Сохи этот акцент сильно смягчен.

² О некоторых радикальных видениях города, противостоящих модернистскому проекту, см., например, работу Э. Свинждова о ситуационистском городе [Swyngedouw, 2002].

ству с новыми или отремонтированными районами города. Категории, которые существуют в рамках социальной науки, с трудом обращаются с такими феноменами. Именно для этих феноменов я и предлагаю использовать метку «заброшенное»¹.

Что же подразумевает эта метка? Ее можно использовать для обозначения множественных феноменов материального и воображаемого антропогенного ландшафта (первого и второго пространств этого ландшафта в вынятой нами схеме)². Городской антропогенный ландшафт — это, как уже говорилось, ландшафт отстроенный. Это антропогенный, целенаправленно исторически преобразованный с целью формирования поселения с тесным хозяйством и социокультурным и хозяйственным обеспечением такого хозяйства. Но после продолжительного преобразования человеком этот ландшафт часто перестает соответствовать идеям нового, красивого, хорошо работающего, современного. Природное воздействие, действие ветра, воды, температуры, человеческие действия, антропогенные события (например, пожары, аварии) приводят к тому, что структуры начинают разрушаться. Во многих случаях они не подвергаются действиям человека по реставрации, а по приведению среды в «новое» состояние. Ландшафт разрушается, ветвет, приходит в негодность, запустение. При этом люди могут продолжать и продолжают жить на территории с таким ландшафтом. Но ответственность за это состояние либо никто не несет, либо она не выполняется соответствующими агентами. Именно эти феномены ландшафта я и предлагаю обозначить словом «заброшенное».

Масштабы распространения «заброшенного» варьируются очень сильно. От известковых подтеков на стенах новых зданий до целых поселений, установленных и разрушающихся, — «заброшенное» можно найти в любой точке земли. Оно сопровождает жизнь человека и встраивается в его деятельность, привносит культурными значениями, практиками и схемами восприятия.

Если рассматривать место «заброшенного» городского ландшафта как второе пространство, то «привилегированный» дискурс планировщиков и строителей обращается с «заброшенным» как с феноменом, избавление которого является одной из ключевых целей человеческой деятельности. И это направлены многочисленные программы городского переустройства, обновления городских районов, перепланировок и т.п. Можно отметить, что многие из этих программ оказывались неудачными, а соответствующие им места, где эти программы реализовывались (например городские районы),

¹ Использование этого слова в кавычках подчеркивает, что это именно метка (слово для обозначения чего-либо), а не понятие или термин. Отсюда и отсутствие точного определения.

² «Заброшенное» можно применять и к негородскому ландшафту. Но к этому вернувшись в заключение статьи, а пока ограничусь средой большого города.

становились кейсами¹. В классической англо-американской социологии города «заброшенное» является неотъемлемым атрибутом так называемого *inner city*, на изучение (и искоренение) которого были направлены немалые усилия, например, Чикагской школы. Однако и социология города часто обращается с «заброшенным» как с тем, от чего следует любыми средствами избавиться.

«Заброшенное», руина и памятник

«Заброшенное» вызывает ассоциации с руиной и памятником, и резонно поставить вопрос, не охватывают ли эти хорошо разработанные понятия того, о чем здесь говорится, и соответственно, не является ли метка «заброшенное» лишним словом, введение которого не обосновано. Рассмотрим оба этих понятия.

Идея *руины* описана в классическом эссе Г. Зиммеля [Зиммель, 1996]. Для немецкого мыслителя руина олицетворяет высший эстетический смысл того момента, когда нарушается хрупкое равновесие между материалом, материей и теми силами человеческого воздействия, которые придают этому материалу форму. Природные силы преодолевают то воздействие, которое человек оказал своим творческим порывом, и завладевають материей — в этот момент устремление человека построить, вознести ввысь подавляется уравнивающим стремлением сил природы разрушить построенное и сровнять с землей. Эстетическое очарование руины — именно в этом возвращение к природному, естественному, которое само по себе указывает на внутреннее единство сил человека и сил природы. «Руина может казаться трагической, но не вызывает чувства печали, ибо разрушение не пришло извне, как нечто бессмысленное, а представляет собой реализацию направленности, коренящейся в глубинном слое существования разрушенного» [Зиммель, 1996, с. 230]. Зиммель при этом отличает руину — результат воздействия природы и разрушенное в результате человеческих действий. Последнее не обладает тем особым пластом очарования, о котором говорит Зиммель.

Другое понятие — понятие «памятник». Говоря о *памятнике*, мы говорим о чем-либо, что является частью культурного наследия и указывает на это наследие, сохранив по сути прошлое в настоящем. Чаще всего памятник —

¹ Один из хрестоматийных кейсов — реконструкция Восточно-Лондонского района доков (Доклендс — Docklands), когда программа переустройства трущобных районов на берегу Темзы привела к тому, что целые здания оказались невыкупленными из-за высоких цен на недвижимость, а отселенные жители района оказались в еще более худших жилищных условиях, чем изначально (кейс вошел даже в классический учебник А. Гиддена по социологии [Giddens, 2001]). Глазго, Детройт, Рио-де-Жанейро и многие другие города прошли через подобные программы (ряд кейсов см. в кн. [Hall, 1998]).

некоторое произведение искусства. Основной смысл памятника — в связи, которая через него устанавливается с прошлым — прошлым культуры, общества, страны, территории, народа. Памятники репрезентируют события чести, людей и вещи, иногда даже идеи. Памятник неразрывно связан с планированием, т.е. с практикой его представления к *созерцанию*. Таким образом, памятник несопоставим, как и руина, с повседневностью — он аксирует не-повседневные события, не-обычные вещи или делает репрессируемое не-обычным.

Говоря о «заброшенном», я имею в виду нечто иное, отличающееся и от руины, и от памятника. Тогда как и руина, и памятник так или иначе связаны с прошлым, и основные смыслы, которые в них кроются, есть смыслы прошлого. «Заброшенное» не имеет само по себе жесткой связи с «прошлым». Оно в принципе может нести связанный с прошлым смысл, но это не определяющее обязательное свойство. «Заброшенное» само по себе не несет заданной этической и эстетической нагрузки. Оно может быть совершенно не-эстетичным: красивым, невзрачным, и вообще не рассматриваться в эстетической перспективе. Аналогично, оно может не нести связи с этическими категориями. Но эти связи могут присутствовать, но также не обладают определяющими свойствами. «Заброшенное» может являться частью повседневности и повседневных практик обычного человека, что не применимо к памятнику и к руине. Наконец, «заброшенное» не тождественно не-населенному. «Заброшенный» дом может иметь своих обитателей и жильцов, существование которых неизменно связано с «заброшенным» свойством их среды.

В целом, можно сказать, что с определенной точки зрения «заброшенное» включает руины и частично памятники, но даже если это так, основная часть «заброшенного» — не руины и не памятники. Это опыт людей в повседневности.

«Заброшенное» как повседневный опыт

Теперь можно поставить вопросы относительно тех отношений, которые возникают вокруг «заброшенного» в городском ландшафте (и здесь я кончательно вхожу в область постановки вопросов и гипотез). Вокруг него вращается множество пластов человеческих отношений: они связаны с тем, что в «заброшенном» ландшафте проживается повседневная жизнь людей. «Заброшенное» представляет собой специфический повседневный опыт. Этот опыт — восприятие «заброшенного», существование с ним и действия по отношению к нему. В повседневной жизни «заброшенное» встрече-

¹ За исключением, конечно, ряда специализированных родов занятий, таких как археология или обслуживание памятников.

чается гораздо чаще, чем это отображается, например, в дискурсе городского планирования. Заброшенные и ветшающие здания, разрушающиеся дороги, приходящие в запустение площадки — это интегральная часть любого городского ландшафта. «Заброшенные» дома, в которых еще живут люди, для России имеют яркую образность, так как она в той или иной мере свойственна большинству населения страны. Обветшалость домов, старость коммунальных коммуникаций, разрушение дорог — это то, с чем жители России постоянно сталкиваются, и область «заброшенного» только расширяется. Основная проблема в данном случае — это описание того, как в повседневной жизни выстраиваются отношения с разрушающейся материальной средой обитания, каковы способы обращения с ним; каковы эмоции и переживания, которые с ним связываются. В частности, можно предположить, что одна из ключевых эмоций — это *страх*. Ведь «заброшенные» места часто таят в себе опасность, непредвиденность¹, непредсказуемость, чего следует избегать. Этот опыт, разумеется, сильно дифференцирован: кто-то имеет больше этого опыта, кто-то меньше; разнятся понятийные схемы и области значений, связанные с «заброшенным»; например, это особая область практической работы для тех, кто по роду деятельности связан с городским планированием и переустройством.

Эстетика «заброшенного»: заброшенное как творческий ресурс

Особым измерением «заброшенного» больших городов является его потенциал к превращению в нечто, поддающееся *эстетическому восприятию и оцениванию*. Иначе говоря, это превращение «заброшенного» в произведение искусства (или место для такого). Одной из известных культурных практик, связанных с «заброшенным», является граффити. Рисунки, создаваемые на стенах, сами по себе становятся способом навести «заброшенность» на некоторый объект; в то же время они широко распространены в «заброшенных» районах, где слабее контроль над пространством и ниже уровень обслуживания и ремонта. Граффити часто выступают и способом навести политическое и культурное сообщение.

Но значения, презентации и отражения «заброшенного» в художественной культуре выходят далеко за пределы создания граффити. Оно является одной из центральных компонентов *фона*, который присутствует во многих произведениях, текстах, визуальных образах. Здесь можно привести пример ландшафта постмодернистского киберпанка, как он представлен в *ки-*

¹ Даже на чисто обыденном уровне: ветхая канализационная труба содержит потенциальный неприятный опыт прорыва.

матографическом образе Лос-Анджелеса недалекого будущего в фильме Скотта «Бегущий по лезвию бритвы» (1986). Этот образ прекрасно проанализирован А.Ф. Филипповым [Филиппов, 2006]¹. В нашем кино присутствует совершенно иной стиль отображения «заброшенного», например, в фильме «Сталкер» А. Тарковского (1979). Подобные киноландшафты буквально «изаны разрушающимся и заброшенным. Они не уникальны для этих фильмов: «заброшенное» как важный элемент кинематографической конструкции антиутопии используют во многих фильмах, вероятно, с основания кинематографа и по наше время (из более близких сегодняшнему дню культурных фильмов можно обратиться к «Матрице» братьев Вачовски (1999)).

«Заброшенное» присутствует в эстетике и как самостоятельная художественная ценность. Например, существует множество интернет-ресурсов, посвященных художественной фотографии того, что здесь обозначалось меткой «заброшенное». Брошенные здания, разрушенные механизмы, старые вещи становятся предметом эстетического восприятия². Отдельно следует упомянуть потенциал «заброшенного» в создании *специфических художественных пространств*, т.е. создания таких мест экспонирования произведений искусства (в основном современного), которые сами по себе были бы «заброшенными». В Москве, например, это площадки «Винзавод» и «Проект Фабрика»³ — преоборудованные винный завод и цеха фабрики технических бумаг. Эти места предоставляют современному искусству пространство, которое отличается от обычного пространства музея, — по мнению некоторых, это как раз то, что соответствует состоянию современного искусства в России.

Итак, «заброшенное» может быть как самостоятельным эстетическим ресурсом, так и разноплановым ресурсом для художественного творчества.

Заключение: заброшенный ландшафт, заброшенные люди, заброшенная цивилизация

Итак, следует подвести *итог* тому, что было сказано в предыдущих частях работы, сводя это в некоторую схему. В антропогенном ландшафте существует целый ряд феноменов, которые не охватываются обычными категориями социальных наук. Эти феномены было предложено объединить в единый «заброшенный». «Заброшенное» — феномен материальной, вещной

¹ Можно также обратиться к статье В. Собчак о репрезентациях городов в фантастике и к другим статьям сборника «Фантастическое кино» [Самутина, 2006].

² Можно порекомендовать, например, активно действующее «сообщество» *urban decay* в Живом журнале (http://community.livejournal.com/urban_decay).

³ См.: <http://www.winzavod.ru> и <http://www.proektfabrika.ru> соответственно.

среды большого города и одновременно символический феномен и пространство смыслов. В рамках принятой схемы триадетики Э. Сохи это можно рассматривать как первое пространство и второе пространство соответственно. Однако соединение мыслей о пространстве и самого пространства — то, где протекает повседневная жизнь человека — выходит за пределы и первого, и второго пространств, что Соха предложил называть третьим пространством. Креативная, творческая работа с «заброшенным», которая обсуждалась в предыдущем разделе, — это лишь одна из форм отношения к «заброшенному».

Здесь хотелось бы предложить еще несколько суждений относительно того, какое отношение может существовать к «заброшенному» в рамках социальной науки. Если преимущественно существующее отношение — это отношение *отрицания и искоренения* или помещения в плоскость исторического материала, то сейчас назревает необходимость выработки такого отношения, которое бы рассматривало «заброшенное» и связанные с ним смыслы, практики и отношения как *самостоятельную область феноменов социальной реальности, достойных изучения как таковые*. Речь идет о таком отношении, при котором этическая оценка «заброшенного» и «разрушающегося» отходит от негативной: «заброшенное» рассматривается как интегральная часть повседневного опыта человека. Кроме того, следует отметить то, о чем ранее не говорилось: человека можно в ряде случаев поставить *наравне* с нечеловеческими феноменами и с материальными средами (как в оценочном плане, так и в плане признания существующим). Например, «заброшенное» может быть заселено другими видами животных (не говоря уже о бактериях, например, тех, которые вызывают гниение). Человек здесь находится в отношении экологического со-существования, а не господства¹.

В заключение отдельно можно высказать несколько суждений об идее «заброшенного» в более широкой цивилизационной перспективе России. «Заброшенный» антропогенный ландшафт в России распространен очень широко. Степень обвешивания жилого фонда в России, по оптимистичным оценкам, составляет примерно 10–12%. В подобных условиях «заброшенность» становится уже не ресурсом для художественного творчества (к какому оно может потенциально свестись в метрополисе, подобном Москве), а насущной проблемой выживания. Распространение «заброшенности» в повседневной жизни — такой процесс, а с каждым годом он только ускоряется — вполне может привести к тому, что через несколько десятилетий половина россиян столкнется с проблемой «заброшенной» крыши над собственной головой. Это ли не «заброшенные люди» и «заброшенная цивилизация»? Для понимания подобной цивилизации потребуется новая, специфическая ан-

¹ О не-человеческих феноменах см., например, работу «Города» Э. Амина и Н. Трифта [Amin, Thrift, 2002].

тология экстремального выживания. Но только изучение того, как здесь сейчас, сегодня люди обходятся с «заброшенным» в своей повседневной жизни, может дать ресурс понимания этой жизни и поиска путей к улучшению ее качества.

Литература

Bodriyar J. Америка: пер. с франц. СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2000.

Zimmель G. Руина: пер. с нем. // Зиммель Г. Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. С. 227–233.

Самутина Н. (ред.). Фантастическое кино: Эпизод первый. М.: Новое литературное обозрение, 2006.

Filippov A. Восстание Каррезианцев: К социологической характеристики фильма «Бегущий по лезвию бритвы» // Самутина Н. (ред.). Фантастическое кино: Эпизод первый. М.: Новое Литературное обозрение, 2006. С. 124–152.

Amin A., Thrift N. Cities: Reimagining the Urban. Oxford: Polity, 2002.

Gibson T. The Trope of the Organic City: Discourses of Decay and Rebirth in downtown Seattle // Space and Culture. 2003. Vol. 6. No. 4. P. 429–448.

Giddens A. Sociology. 4th ed. Cambridge: Polity, 2001.

Hall T. Urban Geography. 2nd ed. L.; N.Y.: Routledge, 1998.

Soja E. Postmetropolis: Critical Studies of Cities and Regions. Oxford: Blackwell Publishing, 2000.

Swyngedouw E. The Strange Respectability of the Situationist City in the Society Spectacle // International Journal of Urban and Regional Research. 2002. Vol. 26. No. 1. P. 153–165.

Wark J. Flying High America. Vercelli: White Star Publishers, 2004.